

П Р О З А

Нина ПЕУНКОВА

Родилась в Ярославле в 1956 г.
Окончила автомеханический техникум.
В 1988—1993 гг. училась в Литературном институте им. А. М. Горького и одновременно, в 1990—1995 гг., — во ВГИКе (мастерская С. А. Соловьёва и В. Д. Рубинчика). Сняла три документальные ленты.
Повесть «Мастодонт» главной редакцией киноконцерна «Мосфильм» была отобрана в текущий сценарный портфель студии.
Работает в системе внешкольного образования в Ярославле.
Публикуется впервые.

Мастодонт

Антиутопия

*Памяти моего учителя
Валерия Давидовича Рубинчика
посвящается*

1

С каждым ударом звук становился всё зловещее, а он продолжал бить в бубен, танцуя вокруг костра, разложенного прямо на каменном полу. Струйки пота неприятно щекотали ему лоб, спину и грудь. Набедренная повязка из дублёной шкуры намокла и липла к телу. Но он больше не чувствовал усталости, и только осипший голос выдавал то, что он на измоте. От колкой сухости в глотке всё чаще прерывалась его гортанная песнь и переходила в хрип. Он сглатывал сухой воздух и старался не смотреть на огонь. Было черно в глазах.

Рухнула большая головня, метнувшийся в сторону язык пламени лизнул ему бедро, запахло палёным волосом.

— Довольно! — зычно приказал Государь и встал с кресла, единственного сиденья в этой каменной комнате без окон.

Тяжело дыша, шаман остановился.

— Ну, шаман из племени Рийдо, что новенького? — нетерпеливо спросил Государь, и в его голосе одновременно прозвучали страх, насмешка, вера и неверие.

Шаман провёл языком по сухим губам и сипло сказал:

— Бункер может стоять долго, но когда заиграет последний органист, Бункер рухнет. Ищите орган.

— Я это слышал ещё от твоего покойного отца. Мне незачем искать орган — все органисты перебиты ещё десять лет назад, — уже лениво проговорил Государь, погружаясь в привычное безразличие. — Дайте ему воды, — добавил он, указывая на шамана, и, развернувшись, направился к лестнице.

Свита зашевелилась и безмолвно последовала за ним. По пояс голый истопник подошёл к шаману с полным ведром и окатил ледяной водой.

Государь медленно поднимался по винтовой лестнице, прислушиваясь, как покорно шаркала следом его свита. «Проклятое подземелье... и проклятая подагра... и проклятый страх...» — подумал Государь и остановился, чтобы передохнуть. — Шарканье за его спиной резко оборвалось, и только в простенках у тусклых фонарей продолжали биться ночные бабочки. «Хоть бы похудеть, что ли... проклятые врачи...» — из-под мантии он достал батистовый носовой платок и утёр им пот с лица, лысины, жирной шеи и второго подбородка. Платок стал сырым, он брезгливо отбросил его в сторону, вынул нагрудные золотые часы и посмотрел на время. «Без четверти двенадцать. Скоро полночь. Скоро бал, а я, как крот, не могу выбраться из этой каменной норы... — он посмотрел на свои дрожащие пальцы и потные ладони, — кругом одно сплошное проклятье... скорей бы пропустить рюмочку...» Он снова зашаркал о каменные ступени и снова прислушался: шарканье за спиной оставалось послушным.

— Всё обрыдло, — пробормотал он себе под нос.

2

Когда Государь вошёл в овальный, наполненный светом зал, гул смолк и воцарилась мёртвая тишина. Чуть поодаль от стены стояло бордовое кресло, около него роилась кучка чиновников в чёрных смокингах и белых рубашках. «Жуки», — подумал Государь, подошёл к креслу, грузно повалился в него и тупо уставился в пол.

К нему плавно подошёл лакей с серебряным подносом и угодливо склонился. Государь мрачно взял с подноса серебряную рюмочку, опрокинул её в рот, поставил назад и дрожащей рукой утёр губы. Свита бурно зааплодировала. «Тоска... теперь, как положено, ритор долго будет восхвалять Бункер. Лучше бы уж сразу выводили танцовщиц, — подумал Государь. — Первый приз я отдам моей Ларочке».

На середину зала вышел ритор, открыл журнал в кожаном переплёте и хорошо поставленным голосом начал читать:

— Бункер — рай! Бункер — единственное пристанище человека во Вселенной! Вне Бункера жизни нет. И мы все готовы служить на благо нашего Бункера!..

Государь зевнул и перестал слушать.

«Лариса... пиявочка... заглянуть бы к тебе в костюмерную, да лень... Скорей бы уж ночь... Хорошо я придумал: первый приз за лучший танец дарить дважды: сначала — в постели, потом — на конкурсе. Хе-хе... Девочка моя, сегодня я надену на тебя ожерелье, которое ты сняла только утром. Как хорошо, когда один и тот же подарок можно дарить дважды. А ещё бы лучше трижды. Какая экономия!»

Он закрыл глаза и захрапел.

Заиграла флейта. На середину зала вышла босая девушка в ярком костюме и начала танцевать.

В гримёрной, за туалетным столиком, Фая втыкала в копну волос длинные шпильки с золотыми набалдашниками. Рядом Лариса подводила глаза.

— У нас обеих есть шанс выиграть. Но повезёт кому-то одной, — сказала Фая.

— Не надейся. У меня нет соперниц, — сухо ответила Лара.

Фая с недоумением посмотрела на подругу.

Государь громко храпел. Чиновники за его спиной снисходительно зашущукались. Один, он ближе всех стоял к креслу, легко толкнул Государя в бок. Государь вздрогнул, проснулся и щёлкнул пальцами. Услужливый лакей снова поднёс ему серебряную рюмочку на серебряном подносе. Государь машинально выпил. «Кажется, я всхрапнул. И чего ради я сижу здесь, как болван. Скорей бы уж в постель».

Объявили танец Фаины.

Заныли ноги: подступала знакомая, тянущая боль в суставах, и Государь не то выдохнул, не то простонал: «Проклятая подагра... Лара, грелочка моя... Лучше бы я подарил тебе ещё одно ожерелье, только бы не торчать тут и не мучиться».

Ему показалось, что с пола сильно тянет стужей, и он нетерпеливо поёрзал в кресле, ища глазами дыру, откуда могло сквозить. И вдруг увидел маленькую босую ногу.

Нога исчезла, потом промелькнула ещё раз и так близко, что он разглядел каждый пальчик и каждый перламутровый ноготок. Боль в суставах начала уходить. Он последовал взглядом за этой шустрой ножкой и увидел танцовщицу — гибкую, лёгкую, точно парящую в воздухе; от неё, как от голубки, исходила мягкая теплота, и Государь погладил свои отёкшие колени. Улыбаясь, он снова щёлкнул пальцами, ему опять поднесли серебряную рюмочку, он протянул руку, но почему-то не тронул рюмочку и замер.

Танцовщица ещё раз пробежала мимо, и его обдала тёплая волна воздуха. В танце была пьянящая радость, свежесть. Непонятная грусть сдавила Государю горло и выгнала слезу.

За его спиной пробежал шёпот:

— Государь плачет...

Он опустил голову и, крепко сожмурившись, веками выдавил эту слезу себе на мантию.

Флейта смолкла. Девушка поклонилась и убежала. Государь тихо спросил:

— Имя?

Ему так же тихо ответили:

— Фая.

— Кто следующая?

— Лариса.

— А потом? — и прежде чем ему успели что-то сказать, ответил себе сам детской поговоркой: — А потом суп с котом... — и одними губами произнёс мягкое, как пух, имя — Фая... Фая... Фая...

Вышла Лариса. Готовясь к танцу, она посмотрела на Государя и поняла, что, глядя на неё, он её не видит, а только делает вид, весь переполненный чем-то таким, что не имеет к ней ни малейшего отношения. Это взбесило и разозлило её: «Хитрая, жирная скотина: прикидывался простачком, а сам себе на уме...»

Государь сделал над собой усилие и сфокусировал на Ларе взгляд, учуял за её цепкими глазами жгучее желание удержать его. Их взгляды пересеклись, и от смущения, ему несвойственного, Государь потупил голову. Это ещё больше задело и сковало Ларису. Она пропустила первые такты, и флейтисту пришлось повторить вступление.

Колочий танец Ларисы расточал фальшь и насквозь был пропитан жадной обладания; а танец той, другой, просто манил. В Ларисе не было живительного тока, который был у той, другой, ещё незнакомой.

Сбиваясь с ритма, путая движения, Лариса не столько танцевала, сколько следила за Государем. Он собирался уходить, жестом подозвал секретаря и негромко отдал распоряжения. Но она его услышала:

— Первый приз вручить Фае... без меня, а мне — подать машину... Что-то немо- жется...

Лара в замешательстве остановилась. Недоумённо замолк флейтист. Государь встал и пошёл к выходу. Лариса выбежала на улицу через служебный ход. Стояла душная летняя ночь. Подойдя к правительственным машинам, Лара решила сделать вид, что ничего не произошло, прикинуться наивной. Чёрт с ним, с ожерельем, лишь бы вернуть его, и тогда будет другое ожерелье, точно такое же, даже ещё лучше, и даже не одно, а много.

Когда Государь вышел из парадного подъезда, она приподнялась на цыпочках и приветливо помахала ему рукой, напоминая о себе и о их сговоре уехать вдвоём в резиденцию после награждения и банкета, но толпившаяся вокруг охрана отеснила её в сторону, Государь сделал вид, что никого не видит, прошёл к машине, сел на заднее сиденье, двери захлопнулись, и кортеж двинулся.

3

Прислуга накрывала стол для банкета. Бело-розовое ожерелье лежало на подушке из чёрного бархата на высокой тумбе. Возвращаясь с улицы, Лариса прошла через зал и с завистью посмотрела на чёрный бархат.

Государево кресло пустовало. Озадаченные чиновники гурливо кучковались вдоль стен: на пятнадцать чиновников приходилось всего двенадцать девочек-танцовщиц, и две из них автоматически исключались: одна — бывшая любовница, другая — новая избранница.

В гримёрной было суетно: девочки переодевались, снимали перед зеркалом грим, накладывали крем, причёсывались, болтали, смеялись.

Фая вышла из душа в белом махровом халате, села за свой туалетный столик и начала массировать лицо подушечками пальцев.

По радио диктор объявил:

— Последние новости! Сегодня в полночь Государь присутствовал на конкурсе выпускниц в женском светском колледже. В конкурсе приняли участие двенадцать танцовщиц. Первый приз Государь присудил Фае...»

«Он положил на меня глаз», — подумала Фая о Государе и увидела в зеркало, как в гримёрную вошла Лариса. Она подошла к Фае и встала у неё за спиной. Обе девочки посмотрели друг на друга через зеркало и выдержали небольшую паузу.

— Возьми себе приз и оставь всё как есть, — сказала Лариса.

— То есть ты хочешь сказать, чтобы я взяла себе ожерелье и оставила тебе Государя, не так ли? — с мягкой иронией спросила Фая.

Лариса помолчала, потом вместо ответа спросила:

— Зачем тебе Государь?

— А тебе? — не то лукавя, не то дразня, улыбнулась Фая.

Зазвонил телефон, стоявший у Фаи под рукой, и она взяла трубку:

— Алло... Здравствуй, мама!.. Всё хорошо!.. Да... Да... Успешно... Да, выиграла... Да...

«Почему ей так везёт? У неё всё есть. А я только коплю, самую малость пожила в холе. И теперь, если Государь меня бросит, вынуждена буду вернуться домой в деревню: в грязь, в холод, в нищету. А мне семнадцать. Самое время делать карьеру, чуть промедлю — и будет поздно». — Думала Лара, не вслушиваясь в телефонную болтовню.

— Да, мама... Что папа?.. Вы меня ждёте? Я приеду завтра или послезавтра. Прикажи убрать мою комнату цветами и проследи за чистотой. В прошлый раз мне показалось, что в углу пыль.

«После Государя меня никто не возьмёт. Не принято. Дурной тон. И куда я пойду? Мне некуда идти. Кроме бабки у меня никого нет. Бабка спросит, чему я училась? И что я отвечу? И что буду делать в деревне? Ощипывать кур? Выгрести навоз? Пасти гусей? Наводить пойло?»

— Нет, нет... Это не нужно. Я хочу холодного шампанского и мой шёлковый халат, — весело говорила Фая. — Да. Позаботься, пожалуйста.

«Но я уже отвыкла от работы. Я училась танцам и любви. Я мечтала о богатстве и власти. А теперь копать, полоть, сажать, доить? Нет, не хочу — я привыкла к сытости и чистоте. Я не успела надыбать денег — вот что скверно. Впереди полная нищета.»

У Лары задрожали кончики пальцев и вспотели ладони.

— Ха-ха-ха... Что?.. Никита?.. Никита так сказал?.. Ну, братишка, берегись... я поговорю с ним... ха-ха-ха... Ладно... Пока... До скорого... Целую. Ха-ха-ха...

— О погоде! — объявил по радио тот же мужской голос. — Парниковый эффект будет длиться в Бункере ещё неделю, в связи с поломкой основных кондиционеров. Ночью будет дан сброс конденсата».

Фая положила трубку.

— Зачем тебе Государь? — уже вкрадчиво повторила вопрос Лара.

— Затем же, зачем и тебе, — спокойно ответила Фая.

— Но его нельзя любить, — тихо произнесла Лара.

— Это почему же? — без любопытства спросила Фая.

— Во-первых, у него — маленькая пипка. А во-вторых, она не стоит.

Они обе в упор смотрели друг на друга в зеркало, обе казались совершенно спокойными и не двигались.

— Происшествия, — объявил мужской голос по радио. — В районе женского колледжа разыскивается особоопасный преступник. Все задержанные ночью в этом районе будут арестованы до выяснения личности».

4

Дорожки колледжа были тускло освещены, а плотно утопанный песок слегка проминался под ногами.

«Может, всё-таки лучше вернуться на банкет? И поприсутствовать для приличия? Ещё подумают, что я возгордилась? Пусть думают...»

Фая посмотрела вверх, на застеклённый купол Бункера, и сквозь запотевшие стёкла увидела матовую луну. «Скорей бы давали конденсат — духота неимоверная». Где-то в глубине сада вскрикнул павлин, а может, это за оградой взвизгнула машина. «Зачем мне этот старый жирный Государь? Чего ради цапаться из-за него с Ларкой?» Под ногой что-то хрустнуло. Она слегка наклонилась: под каблуком треснул прозрачный и тонкий осколок лампы. «Дворники совсем обленились...»

Фая выпрямилась и обернулась. Все окна колледжа были ярко освещены, было видно, что в зале уже кружились пары, и только у крайнего, раскрытого на одну створку

окна стояла от всего отрешённая Лариса. У парадного подъезда швейцары распивали бутылочку.

Фая медленно пошла по узкой аллее. Поравнявшись с огромным сухим дубом, она подняла голову и в голых, корявых, широкораскинутых ветвях увидела сгусток тьмы, очерченный в птицу. Бесплотная иссиня-чёрная птица растопорщила крылья, потом сложила их, нахохлилась и моргнула фосфорическими глазами.

От испуга Фая попятилась и побежала, но не к корпусу колледжа, а к воротам. Чугунные ворота были чуть приоткрыты. Сидя на корточках, привратник спал, но секиру держал в руке крепко. Фая вышла за ворота, пересекла дорогу и двинулась по тротуару вдоль жилых домов.

Сзади раздался вой сирены, несколько полицейских машин промчались мимо, но одна остановилась, и из неё выскочили трое.

Фая свернула за угол, быстро побежала и наткнулась на малярную лестницу, приставленную к стене здания с небольшой нишей для статуи. Она взлетела вверх по лестнице, оттолкнула её от себя ногой — и лестница с грохотом упала на асфальт. Фая встала в углубление стены и затаилась. Свистя, пробежали мимо полицейские. И всё неожиданно стихло.

Человек, что-то тихо насвистывая, не спеша приближался к дому с нишей. Фая сначала замерла, потом, когда он был совсем рядом, крикнула:

— Эй!

Мужчина остановился и посмотрел вверх.

— Помоги мне слезть отсюда.

Он молча поднял лестницу, приставил её к стене — и, когда Фая спустилась до половины, протянул ей руки. Опираясь о его плечи, Фая прыгнула. Он легко подхватил её и не сразу выпустил.

— Кто такая?

Где-то недалеко раздался полицейский свисток, за ним топот ног.

— Бежим! — сказала Фая.

— Куда? — спросил мужчина.

— К тебе, конечно.

Она схватила его за руку, и они побежали. С визгом пронеслись патрульные машины. Зашумел мелкий конденсат, и в воздухе зарябило.

5

Комната могла бы казаться чистой, если бы не стены: сальные, изрисованные чёрной краской, с пробоиной, заколоченной фанерой. За стеной были отчётливо слышны бой барабана, топот, крик, скрип и сладострастные стоны.

Седые волосы хозяина опускались до плеч, но он не был стар.

Фая спросила:

— Говоришь, это общежитие для нищих? А кто разрисовал стены?

— Те, кто здесь жил до меня.

— Ты не сказал мне, как тебя зовут. Ах да, вспомнила! Ты — мусорщик по кличке Мастоdont, или попросту Маста. Как я тебя сразу не узнала. Ты же чистишь помойки. Не так ли? — Фая села на диван. — Хорошо или плохо, когда женщина всё знает?

— Значит, ты всё знаешь? — Маста зажёл керосинку, притулённую в углу. — Сейчас я приготовлю кофеёк. Значит, ты всё знаешь? — повторил он и хитро прищурился. — А что такое ветер, знаешь?

— Нет.

— А дождь?

— Нет.

— А снег?

— Нет. А ты знаешь?

— Не знаю, — печально вздохнул он.

— Зачем же спрашиваешь у меня? — рассердилась Фая. — Меня не учили разгадывать загадки, на которые нет ответа.

— А чему тебя учили? — примирительно спросил Мастодронт, доставая из старого буфета металлическую кофеварку с деревянной ручкой.

— Меня учили искусству танца и искусству любви, — и, не меняя интонации, добавила: — Здесь очень экзотично. Ты не будешь возражать, если я останусь у тебя до утра?

— Конечно, нет. Располагайся и будь как дома.

Фая встала, прошла по комнате и, пока Маста стоял к ней спиной, склонившись над керосинкой, подошла к стене с заплатой, чуть сдвинула фанеру в сторону и заглянула в щель. В прокуренной комнате несколько крепких парней, скрестив по-турецки ноги, сидели на полу. Перед ними была водка, картошка и хлеб. Они о чём-то спорили. Ещё один парень бил в барабан, заглушая женские стоны: за пустым книжным стеллажом, похожим на решётку, двое обнажённых, он и она, ласкали друг друга на скрипучей койке без одеяла и без стеснения. Посреди комнаты трое мужчин плясали какой-то дикий танец.

— Посмотри, какой красивый у меня буфет, — громко сказал Маста, повернувшись к Фая с кофеваркой в одной руке и с полотенцем в другой.

Застигнутая врасплох Фая вздрогнула, задвинула фанерой дыру и с чувством неловкости отошла от стены.

— Каждое утро я говорю ему: «Буфет, я люблю тебя!» — договорил Маста как ни в чем не бывало.

— Завтра ты ему это тоже скажешь? — с показной развязностью пробормотала Фая.

— Обязательно. А что бы ты над нами не смеялась, я шепну ему это на ушко.

— Интересно, где у буфета уши? — поддержала разговор Фая, присаживаясь к столу.

— Догадайся.

— А если я недогадливая?

— Твои проблемы, — сказал Маста, выставляя на стол угощения: сахар, баранки, сухари. — Он налил и пододвинул ей полную чашку дымящегося кофе.

— А как же мы с кофейком уснём? — спросила она.

— Э-э-э... что с кофейком, что без кофейку — спать не придётся.

— Это почему же?

— Соседи гудят. Разве не слышно?

— Да-а-а... жизнь тут, конечно, весёлая. Ты, наверно, никогда не скучаешь?

— Нет. От скуки мне не подохнуть. Подыхаю от веселья.

Они замолчали. Фая взяла кусок сахара, опустила его в чашку. Мастодронт смотрел, как она медленно размешивает сахар, как медленно подносит чашку ко рту, как делает первый глоток. Смотрел и улыбался: она напоминала ему гибкую ветку берёзы с набухшими почками.

— Страшно... здесь... — сказала она потупясь.

— Бойся на свете двух вещей: холеры и Государя, а всё остальное — ерунда, — сказал он.

Фая резко подняла голову и внимательно посмотрела на него, оглаживая взглядом седые волосы, размётанные по плечам, и тонкие бледные губы. Он тоже смотрел на неё. Потом спросил:

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать. А тебе?

— А мне — сорок.

— А что случилось с твоими соседями?

— А что с ними могло случиться? — переспросил Мастоdont. Прислушался и удивился: за стеной было тихо.

Поднявшись из-за стола, он подошёл к заплатанной дыре, сдвинул фанеру и заглянул в щель: комната была пуста.

— Отлично! Они куда-то ушли.

— Я устала. Где я буду спать?

— На диване.

— А ты?

— Не переживай. Я найду себе место. Раздевайся, я выйду.

Когда погасили лампу, лунный свет отпечатал на полу квадрат окна.

Засыпая, Фая подумала: «Маст... а он... красивый...»

Девушка ровно дышала, когда Мастоdont вернулся в комнату. Он бросил на пол фужер и лёг, подложив под голову руку.

На улице с воем пронеслись патрульные машины.

6

Бойко шкваркала сковородка. Окно было чуть приоткрыто, и с улицы доносился шум дороги. Мастоdont в фартуке хлопотал у керосинки и, когда увидел, что Фая открыла глаза, снял со спинки стула её колготки, обернул ими шею и легко отбил чечётку.

— Перестань дурачиться и повесь на место мои колготки, — сказала Фая вялым утренним голосом.

— Колготки? Какие колготки? — удивился Мастоdont.

— Какие у тебя на шее.

— Я думал, это шарфик, — виновато сказал Мастоdont и повесил колготки обратно.

— Отвернись, мне надо одеться.

— Он с готовностью подчинился, отошёл к керосинке и помешал на сковороде картошку.

Картошка уже зарумянилась, он подлил в неё масла и разбил два яйца.

— Всё. Можешь поворачиваться.

Мастоdont со сковородкой и подставкой подошёл к столу.

— Завтрак готов, сударыня.

— Покажи мне, где здесь уборная.

— А-а-а... сейчас, сейчас, — засуетился он. — Пойдём, это рядом.

В конце коридора была косая дверь.

— Сюда, — сказал Мастоdont. — Но тут есть маленький секрет: наверху, под потолком голубятня, так что ты, когда войдёшь, возьми в углу зонтик и раскрой его. Поняла? А то голуби могут капнуть — неудобно получится.

Фая вошла в тесный туалет, раскрыла стоявший в углу зонт с прозрачной полиэтиленовой обтяжкой. Вылетевший откуда-то голубь капнул на зонт.

— Ой, маленький приветик! — прокомментировала Фая.

Мастоdont ждал её в комнате с полотенцем на плече.

— Позвольте проводить в душевую, — сказал он с услужливостью слуги.

— У вас ещё и душевая имеется?

— Конечно!

— И тоже с голубями?

— Нет, с крысами, но они очень добрые, почти что ручные

— Большое спасибо, — сказала Фая и села за стол. — Вы хоть бы кошку завели, что ли.

— В общежитии запрещено держать кошек. От них грязь, — сказал Мастодронт, раскладывая по тарелкам картошку и яичницу.

— Да? А крысы что делают?

Маста подал ей алюминиевую вилку и тупой нож.

— Скучно без музыки, — сказала Фая.

— В Бункере музыка запрещена. Только флейта для знати и барабан для плебеев.

Маста пошёл её провожать. Утро свежее, но день обещал быть душным. Старый асфальт был бледно-розовым на солнце и лиловым в тени. Не разговаривая и не касаясь друг друга, они шли рядом, и Фае казалось, что её плечи окутаны его томящейся теплотой, и оттого у неё под ногами поплыла земля.

«Если бы эта дорога никогда не кончалась, я могла бы идти вечно», — подумала она.

Под тополями у чугунных ворот колледжа они остановились. Она заглянула в его чистые глубокие голубые глаза.

— С тобой уютно... у тебя такие родниковые глаза.

— Теперь мои глаза будут видеть только тебя. Приходи ко мне ещё.

— Непременно... — сказала Фая, зная наверняка, что больше она его никогда не увидит.

Сторож открыл ворота, и она пошла к парадному подъезду колледжа. Навстречу по аллее шла с чемоданом Лариса. Когда они поравнялись, Лариса, проходя мимо, отвернулась, а Фая опустила голову.

В дверях Фаю встретил секретарь, поклонился и подал конверт от Государя. Безразлично приняв конверт, она попросила приготовить ей ванну и через час вызвать такси.

7

Ему безумно хотелось взлететь. Он глубоко вздохнул, посмотрел на застеклённый купол Бункера и, раскинув руки, быстро побежал. Бежал долго, не чувствуя усталости, и только у стен монастыря перевёл дыхание и уже шагом спустился к озеру.

На берегу под раkitой сидел инок:

— Здорово, Маста.

— Здорово, Прохор, — ответил Мастодронт. — Ты что тут делаешь?

— Тебя жду.

— С чего ты взял, что я приду?

— Предчувствовал.

Маста сел рядом, разулся и, когда его горячие ступни коснулись прохладной мягкой травы, полной грудью втянул в лёгкие приозёрный воздух и прислушался. В заводи плеснулась большая рыба.

— Мне бы надо на молебен, а я здесь прохлаждаюсь. Нарушаю устав, — мрачно сказал Прохор.

— Ну и нарушай себе на здоровье, — подбодрил его Маста.

— Не ангельскую слышу речь, — ответил инок.

— Что? — не расслышал Маста, потому что опять прислушался к всплеску воды.

— Я говорю, что твоя жизнь — это сплошная тоска по жизни.

— Ты тоже в радости не купаешься.

— Радость — великое таинство, с весельем ничего общего не имеющее.

Они оба поднялись с травы и тихо пошли перелеском вдоль берега.

— Сегодня у меня спала прелестная девочка... — загадочно начал Маста.

— Ты хочешь сказать, что сегодня ты спал с девочкой? — перебил его Прохор.

— Нет. Я с ней не спал, но я в неё влюблен.

— Забавно.

— Эта девочка...

— Все девочки одинаковы, — опять перебил его Прохор. — И все они устроены примитивно.

— Ты знаешь, какая она!.. — мечтательно вздохнул Маста.

Прохор посмотрел на него пронзительными глазами и холодно обрезал:

— Есть такой закон: желание нельзя желать.

— Почему?

— Не сбудется.

— Что же нужно?

— Желание нужно знать. Но ещё лучше ничего не хотеть. Так-то, Маста.

— Почему ты никогда не называешь меня по имени, даже когда мы одни? Моё имя...

— Молчи уж. Твоё имя может стоить тебе жизни.

— Не понимаю: почему запретили музыку, почему разобрали все органы, почему перебили всех органистов. Объясни. Ты ж якшался в высших эшелонах, — быстро и нервно проговорил Маста.

— А почему ты не на помойке? Ты должен сейчас убирать мусор.

— У меня выходной. Говори. Ну, — с угрозой сказал Маста.

— Раньше я, как и ты, писал музыку, потом стал чиновником, теперь я монах, — с невозмутимым спокойствием ответил Прохор. — И вот что я тебе скажу: самая лучшая правда — это удобная ложь.

— Слыхал. Ты скажи мне... — преградил ему дорогу Маста и взял его за грудки

— Что я должен тебе сказать? — перешёл в наступление Прохор. — Я знаю то же, что и ты: из Бункера выхода нет. Бункер герметичен. И это наш удел. Единственное, что я мог сделать, — это выправить тебе документы мусорщика по кличке Мастодронт. — И вот благодарность.

Маста опустил руки и уже тихо сказал:

— Бункер расположен на берегу моря, за Бункером — гора, а за горой другая жизнь...

— Какая другая?

— Вольная...

— С чего ты взял?

— Люди болтают.

— Враньё...

— Тут мне намедни покойная мать приснилась.

— Покойник снится — поминанья требует.

— Будто я убегаю из Бункера, за мной погоня: стрельба, крики, лай собак. А мать в стороне стоит, точно наблюдает. Я петляю по задворкам, подворотням — следы заметаю, а сам уж на измоте. Задыхаюсь, сердце колотится, а всё бегу ног не чуя. И очутился в запретной зоне — у стены Бункера. Ночь. Тьма-тьмущая. Слышу только рёв моторов. Огляделся — а я в огромном тоннеле. С зажженными фарами идёт тяжёлая техника. Чтоб не

заметили, я прижался к стене. Точнее, размазался по ней, как масло, и рукой нащупал проём. Я туда свернул. А это то ли шахта, то ли коридор. Я иду по нему, иду, а он всё сужается. Я уже боком продвигаюсь, а он всё уже и уже, совсем как расселина стал. А впереди — свет, прохладой тянет. Я протискиваюсь вперёд — стены сдавливают всё сильнее. Подкатило удушье. Последнее усилие — и я на берегу моря! От радости я заорал что есть мочи, рванул по кромке воды, задрал голову, раскинул руки. Простор! А вокруг — ни души. Я один. И волны плещут. А чего мне тут одному-то делать? Жутко стало. Прохлада сжала глотку, точно тисками, — и не отпускает, хуже расселины. Я подумал: «Скорей назад. К своим. В Бункер». Бросился к шахте, а самое узкое место чем-то плотно заткнуто. Я стал это что-то ощупывать, и... это была ещё мягкая, но уже мёртвая рука моей матери. Значит, она пошла за мной и погибла. Я отпрянул. От ужаса, что проход перекрыт трупом моей матери, я завопил, зарыдал и... проснулся в холодном поту.

— Мне пора на молебен, — безразлично сказал Прохор и повернул к воротам монастыря.

— Думаешь, Бог есть? — спросил Маста ему вслед.

Прохор шёл быстро, путаясь ногами в широком и длинном подоле чёрной рясы.

«Вот и поговорили старые друзья. В самом деле: пора на помойку», — подумал Маста и, расстегнув ворот рубашки, пошёл по вымощенной булыжником дороге. Проехавшая машина подняла клубами пыль. Маста чихнул и услышал за спиной пацанью дразнилку:

— Маста-Маста-Мастаду-у-ун, Маста-мусорщик-перду-у-ун!

Он обернулся: гурьба мальчишек, ритмично распевая дразнилку, шла за ним по пятам, выдерживая небольшую дистанцию.

Маста пошёл быстрее, делая вид, что не обращает на них никакого внимания.

Кто-то бросил в него камень и не попал. Потом ещё один камень пролетел мимо, потом ещё и ещё. Потом один угодил в спину, другой — в плечо. Маста побежал, толпа мальчишек — за ним.

Он юркнул в незнакомую подворотню, куда-то повернул, перелез через забор, прошёл узкий переулок, тёмный коридор, спустился по лестнице вниз, открыл тяжёлую дверь, переступил порог — и оказался в огромном сумрачном зале.

Сверху, через узкие длинные окна, падали на пол косые столпы света, освещая скопище людей и собак, — все они что-то делали: кто-то копошился, кто-то говорил, кто-то пил, ел, спал, кто-то испражнялся, кто-то сношался, кто-то смеялся, и на каждом лице была печать глубокой патологии.

Потрясённый Мастодронт, вместо того чтобы повернуть назад, шагнул вперёд и пошёл в глубь зала, медленно втягиваясь в кутерьму не обращающих на него никакого внимания полоумных. Этот зал волновал и что-то напоминал ему, и он мучительно пытался понять: что?

Когда в пыли и мраке он увидел в конце зала орган, его захлестнула горячая волна восторга. Маста сорвал с пульта закоржельный от грязи чехол, включил меха, сел на табурет, пятернёй зачесал назад волосы и заиграл, покрывая музыкой гул и смрад этого людского гноища.

8

За окном такси мелькали встречные машины, дома, быстро пробежала трамвайная остановка, где в строгом костюме стояла Лариса с чемоданом. Фая успела стрельнуть на неё взглядом и подумала: «Чего мы схлестнулись с ней из-за этой развалины, Государя?»

Она откинулась на спинку сиденья и включила вентилятор. Душный воздух пришёл в движение, обдул лицо, разметал челку, и Фая заулыбалась.

На остановке скопилось много людей. Трамвай, набитый битком, прокатил, не останавливаясь, и вдруг у него прямо на ходу отвалилось заднее колесо и по инерции покатило прямо на толпу. Никого не задев, колесо со всего маху врезалось в угол крытой остановки. Мгновение спустя кто-то крикнул:

— Э! Мы в рубашке родились! Это колесо могло кое-кого перекалечить.

Когда подошёл другой трамвай, толпа стала давиться и толкаться. Лариса смогла забраться на подножку.

Маленький худой модельер лебезил, подавая то накидку, то мех, то шляпку, то закалывая на отвороте украшения, то поправляя складки подола, а она, высокая, гибкая, немолодая, поворачиваясь перед зеркалом, придирчиво примеряла наряды, швыряя в сторону то, что, на её взгляд, не подходило, и одобряла наклоном головы то, что ей нравилось.

— Дорогая, поторопись. Машина уже въезжает, — сказал бодро вошедший мужчина, холёный, подтянутый и одетый ей под стать.

Чуть отступив от зеркала, она окинула себя взглядом, осталась довольна, взяла под руку мужчину, и они вышли из белой гардеробной.

В лобовое стекло Фая увидела своих родителей, торжественно выходящих ей навстречу: оба высокие, красивые, роскошно одетые.

Машина остановилась. Лакей открыл дверцу. Фая вышла и церемонно обнялась с подошедшими к ней матерью и отцом.

— А где братишка? — спросила она, поднимаясь по мраморным ступеням.

— Никиты не будет, — холодно пояснила мать. — Он на турнире. Мы с папой решили, что шахматы в его возрасте — это хорошо. Пусть пока играет, а там видно будет, — заключила она, интонацией давая понять, что больше к этой теме возвращаться не нужно.

Они вошли в гостиную. Стол был накрыт на три персоны. У стола стоял музыкант с флейтой. Возбуждённая ездой и радушным приёмом, Фая широко улыбалась.

Когда все сели за стол, отец сделал жест, и флейтист заиграл. Слуга открыл бутылку шампанского и наполнил фужеры.

— За тебя, Фая, — сказал отец, поднимая бокал, — за выпускницу колледжа и победительницу конкурса.

— За избранницу Государя! — поправила его мать.

Зазвенел хрусталь.

От выпитого у Фаи слегка закружилась голова. Закусили сыром. Подали тушёного поросёнка с овощами, украшенного зеленью. Звякнуло столовое серебро.

— Папа, что такое дождь? — неожиданно для себя спросила Фая.

— Конденсат, — строго ответил отец.

— А ветер?

— Вентиляция.

— А снег?

— Открой морозильник и посмотри. Но слова «дождь», «ветер» и «снег» — архаизмы.

— И вообще, что за странные вопросы? — недовольно, с оттенком беспокойства спросила мать. — Разве этому тебя учили? Пора думать о другом: приз Государя означает предложение разделить с ним трон. Пора думать о власти.

— А когда же думать о любви? — пошутил отец.

— Главное достоинство мужчины — деньги и власть. А любовь всегда можно присочинить.

— Ты и меня так оцениваешь? — уже настороженно спросил он.

— А разве ты не мужчина? — вкрадчиво, вопросом на вопрос ответила мать и заглянула ему в глаза.

Последовало молчание. Подали лангет с острым соусом и кинзой.

— На улице духота невероятная, — сказала мать.

Отец не отозвался и продолжал спокойно есть.

— Когда исправят кондиционер? — продолжила начатую тему мать.

— На днях, — коротко ответил он.

И опять наступила пауза.

Подали салат из свежих помидоров. Салат ели неохотно.

Салат унесли.

Подали маслины и черную икру в розочках из сливочного масла.

— Налейте шампанского, — пытаюсь оживить беседу, сказала мать.

Шампанское выпили молча.

— Папа, а почему в Бункере запрещена музыка?

— В Бункере постоянно звучит музыка: флейта — для знати и барабан — для плебеев, — ответил отец менторским тоном.

— Но почему?.. — недоговорила Фая.

— Потому что! — строго оборвал её отец. — Все остальные инструменты вызывают нежелательный резонанс Бункера как конструкционного сооружения, — уже мягче пояснил он.

Подали мороженое со свежей клубникой и ананасами.

— Наш папа очень талантливый инженер, но совсем не понимает шуток, — нежно улыбаясь ему, сказала мать.

Не затрудняя себя ответом, отец поддел ложечкой мороженое.

«Сейчас бы таракана на стол — сразу бы стало веселее», — подумала Фая.

Все молчали.

Подали кофе с коньяком, лимоном и сахаром.

— Хочу купить себе белую кобылу, — с наигранным спокойствием сказал отец.

— Где? — охотно поддержала разговор мать.

— У Рийдо.

— У них бешеные цены.

— Но их лошади того стоят.

— Не советую тебе связываться с Рийдо. Паршивый народец. Не понимаю, почему

Государь не разворошил их гнездо?

— Он пользуется услугами шамана.

— А я думала, что суеверие давно изжито.

— Это не суеверие.

— А что же это?

— Каприз.

— Твоя кобыла тоже каприз?

— Нет. Страсть, — с вызовом посмотрел на неё отец и сделал слуге знак рукой.

Ему подали сигару. Он закурил и вышел из-за стола. Следом за ним вышла из-за стола мать.

Фая осталась одна. За её спиной выжидательно стоял лакей в белых перчатках. Ещё на неё молча смотрела напольная скульптура кошки из зелёного нефрита, стоящая под разлапистой пальмой. Фая дала знак флейтисту, он прекратил играть и ушёл.

Стало тихо. Фая вспомнила, как в детстве Никита привёл её к этой кошке и сказал: «Это магическая кошка. Если ей на ухо прошептать заклинание и загадать желание, то желание сбудется». «Прошепчи», — попросила Фая. Никита приставил ладошки к зелёному уху и прошептал: «Зелёная пальма, зелёная кошка, зелёный я, маси-биси-муси», — и обратился к Фаяе: «Загадывай». Фая наклонилась к уху кошки и шепнула: «Хочу стать танцовщицей».

Мелодично забили куранты.

Фая поднялась из-за стола, подошла к нефритовой скульптуре, присела, обняла ее за гладкую холодную шею и прошептала в ухо:

— Зелёная пальма, зелёная кошка, зелёная я, маси-биси-муси, хочу увидеть Масто-донта.

Лакей тихо убирал со стола приборы. Фая приоткрыла штору и посмотрела в окно. Опять сбрасывали конденсат, так тихо, что он даже не стучал по стёклам, но лужи рябило, и по дорожке сада горничная прошла под зонтиком.

Водитель объявил:

— Конечная.

Лариса вышла из трамвая, тупо посмотрела вперёд и подумала: «Ну и глухомань». Всё вокруг казалось ржавым: и закат, и деревня, и поле. Только за полем серебрилась глухая железобетонная стена Бункера, к которой жалось селение Рийдо.

По зыбкому мостку она перешла ржавый ручей и по ржавой тропинке пошла к деревне.

Двор тоже показался ей ржавым. Навстречу спешила с огорода бабка и, вытирая о фартук землю с рук, смахнула слезу с загорелого морщинистого лица.

— Лариса... внученька моя... вернулась... теперь уж поди навсегда... ну, здравствуй, здравствуй... — обнимала и целовала её бабка. — Пойдём в избу, я тебя покормлю, Ларочка... внученька...

В доме пахло топлёной печкой. Бабка засуетилась: гремела ухватом, заслонкой, выставляла на стол чугунок с картошкой.

— Чем тебя потчевать? Может, малосольного огурчика дать? У меня есть. Для тебя солила.

Бабка поставила перед ней тарелку с огурцами.

Лариса сидела на лавке и молчала.

— Сейчас я тебе молочка из подпола достану. Свежее. Козье, — хлопотала бабка.

— Бабушка, не надо. Я ничего не хочу. Я лучше лягу спать, — сказала Лариса.

— Ну, ложись, ложись. Завтра с рассветом на покос пойдём.

— Завтра я бы хотела отдохнуть.

— Вот и отдохнёшь. Косьба, она самый лучший отдых, — ласково приговаривала бабка, стаскивая с полатей лоскутное одеяло. — Я тебе ещё мешок сена внесу, от сенного духа спать будешь сладко, крепко.

Лариса закрыла лицо руками и зарыдала. У её ног тёрся старый чёрный кот, он выгибал спину и хоркал, прижмуривая один желтый светящийся глаз и один мутный, затянутый бельмом.

Скрипя половицами, бабка подошла к внучке и, глядя её тёмной шершавой рукой по голове, легонько толкнула ногой кота:

— Узнал, шельмец. Поди, поди, не до тебя сейчас.

Вечером Фая босиком слонялась по комнатам дома и, вспоминая Масту, думала: «Мне без него неповадно».

За дверью гардеробной она услышала флейту и голос матери. Приоткрыв дверь, заглянула: в углу играл флейтист, мать перед зеркалом примеряла новые платья, вокруг неё увивался неказистый модельер.

— Можно? — спросила Фая.

— А-а-а, Фая! Ну-ка, посмотри на мои обнови.

Фая вошла и села в кресло.

Не отрываясь от примерки, мать одновременно начала наставительно говорить:

— Ты стала совсем большой. Девочки взрослеют быстрее, чем мальчишки. Никита ещё ребенок, а ты... ты должна знать себе цену. Помни: ты дорогая женщина. И тебе нужен богатый мужчина, который сможет тебя содержать, развлекать, дарить ценные вещи...

Мать кружилась перед зеркалом в одном наряде, потом заходила за ширму, молниеносно с помощью модельера переодевалась и выплывала — уже в другом. Опять кружилась, прихорашивалась, любуясь собой, а перед ней ходил, кружился и угодничал тощий модельер.

Фая, прищурясь, смотрела на движения матери как на грациозный танец сытой хищницы.

— А любовь — вещь лишняя. Любовник — это другое. И если у женщины есть голова на плечах, у неё будет и любовник. Запомни: все мужчины одинаковы, и все они устроены примитивно: кроме постели их ничего не волнует. Мужчина — это животное, но любит, чтобы с ним обращались, как с Богом. Мой тебе совет: прикинься овцой, это Государю понравится. Будь с ним ласковой, во всём ему потакай, угождай, а уж потом своё возьмёшь. Главное сейчас — не упустить случай. Лови момент. Ты на пороге счастья. Когда я с твоим папой гуляла, знаешь, какой я была пайнкой! Он до сих пор, когда вспоминает, плачет. Говорит: «Вспомни, какой ты была и во что ты превратилась». Главное — выйти замуж, а там своё наверстаешь: будешь закатывать сцены ревности и коварства. В душе ты должна чувствовать себя роковой женщиной, быть уверенной в себе. В уверенности — залог успеха. Сбывается только то, в чём ты уверена. Это простая истина.

— А где папа?

— Папа? — Мать остановила свои кружения, модельер с флейтистом тоже выжидательно замерли. — А-а-а... папа! Папу срочно вызвали на работу. Что-то там стряслось. Кажется, Бункер дал трещину. Но точно не знаю. Я не вникала. — И сузив свои раскосые глаза, внимательно посмотрела на Фаю: — От Государя тебе ещё не было приглашения?

— Нет, мама.

— Ты, наверное, устала?

— Да, мама.

— Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мама.

Шурша фалдами юбки, мать проводила её до двери. Фая спокойно вышла из гардеробной, но, выйдя, стремительно побежала по коридору, повторяя вслух:

— Тоска... тоска... какая дикая тоска...

Обдувая подолом мраморную лестницу и мелькая по ступеням перламутровыми ноготками, она сбежала вниз, в дверях столкнулась с горничной, нёсшей полную вазу слив, они рассыпались и раскатились.

На аллее парка стояла открытая легковая машина, Фая села за руль и поехала. У ворот привратник спросил:

— Вы куда? Уже поздно.

— Открой. Мне. Ворота, — твёрдо, ставя точку после каждого слова и с угрозой в голосе сказала Фая.

Привратник посмотрел на неё с испугом, открыл ворота, и машина, взвизгнув, выехала на дорогу.

Маста с расстёгнутым воротом сидел за столом и, воодушевлённо дирижируя, что-то быстро записывал на нотную бумагу.

У общежития для нищих Фая остановилась и вышла из машины. Стеклянные двери, за которыми спал вахтёр, были заперты. Фая постучала. Вахтёр открыл один глаз и, не поднимаясь с места, спросил через стекло дверей:

— Чего надо?

— Пропустите.

— Не положено: поздно уже, — прохрипел он недовольным сонным голосом.

Фая вынула из кармана купюру, плюнула на нее и прилепила к стеклянной двери. Вахтер молча встал, открыл дверь, отлепил купюру и, ни о чём не спрашивая, дал ей пройти.

Идя по коридору, она слышала, как за её спиной, у туалета, громко ругались две женщины:

— Извините, мадам, но я вошла после вас в уборную — и всё сиденье было обоссано. Если вам неприятно это слышать, то мне ещё неприятнее на это садиться...

У знакомой двери Фая замерла и робко постучала. Ей никто не ответил. Она толкнула дверь и вошла.

— Ты!.. — отрываясь от листа бумаги, прошептал Маста.

— Да... — прошептала Фая, — погаси свет и раздень меня...

Ритмично жжихали косы: широким взмахом скашивая траву, Лара шла за бабкой и не отставала.

Солнце ещё не поднялось из-за стены Бункера, но свет уже проникал через решётчатый стеклянный купол, и туман над озером редел. Стрекотали кузнечики, в перелеске куковала кукушка, у воды квакали жабы.

Докосив ряд, бабка утёрла со лба пот и посмотрела на Лару. Лара прислушалась: вся округа была заполнена монотонным гулом.

— Бабушка, что это?

— Колокола гудят.

— Где?

— На том берегу, на монастырской колокольне. Звонить в них запрещено, вот они от скуки сами по себе и гудят.

— А ты в Бога веришь? — спросила Лара.

— Как не верить: что Бог, что человек — всё едино. Мы с Богом-то равны, — монотонно бормотала бабка, натачивая косу.

— Мы — в Бункере, а Бог — на свободе. Где ж равенство?

— В судьбе. У нас — своя судьба, у Бога — своя. Может, он своей судьбе тоже не рад, да деваться некуда. И тем же тоном добавила: — Ты на пяточку косы нажимай сильнеей, трава-то податливей и пойдёт.

Лариса несколькими взмахами косы докосила свой ряд, перевела дух и деловито спросила:

— А теперь куда?

— Вон на ту ложбинку, — махнула рукой бабка, и, положив косы на плечи, они пошли берегом.

— Нынче в лесу грибов много, примета плохая, не к добру, — говорила на ходу бабка.

Послышался конский топот: на белых лошадях скакали шаман и парень — оба смуглые, в набедренных повязках.

Шаман осадил лошадь и крикнул старой:

— Извини, спешу. Вечером загляну к тебе — дело есть.

И всадники повернули к лесу.

— С кем это шаман? — спросила Лара.

— С сыном. Нечто забыла? Сын у шамана — жених завидный, ладный. Могу сосватать.

— Ну что ты, бабушка.

— А что?..

— Да он ростом маленький...

— И маленькие на дорогах не валяются, и большие звёзд не хватают.

— Я же всё-таки училась...

— Училась. А что такое снег, дождь, ветер, знаешь?

— Нет. А что это?

— Сама не знаю. Хотела тебя спросить, думала, тебя учили? Чему же учили?

— Манерам.

— Давай поспешать, а то роса спадёт, — вздохнула бабка.

Родные места уже не казались Ларе ржавыми, она тоже вздохнула, хоть ещё и не радостно, но уже легко.

На растормошенную кучу мусора слетелись жирные мухари. Рядом с помойкой стояла грузовая машина, и мусорщики в лёгких портках и жёлтых жилетах на голое тело поддевали вилами и кидали в кузов плотно слежавшуюся гниль. Вслушиваясь в звучание своей органной пьесы, Маста с суровым спокойствием метал мусор, а видел изгиб её спины, вспоминал её беспокойный шёпот, её стон, содрогания, её прохладную шёлковую кожу.

В самом низу слежавшийся мусор был сырой, и, когда его поднимали на вилы, с него текло. Из полого угла выскочила толстая крыса, а гнездо с крысятами полетело в кузов, уже наполненный с верхом.

— Поднимай борта, — крикнул кто-то.

У машины закрыли борта, шофёр завёл мотор, и машина уехала.

Мусорщики встали в кружок, сняли голицы, достали папиросы и закурили. С воем промчались полицейские.

— Что случилось, кто знает? — глубоко затягиваясь, устало спросил один из рабочих.

— Говорят, Бункер дал трещину, — ответил другой, сплёвывая.

— Чего ж полицейских булгачить? Пригнали бы хвалёных инженеров.

— Инженеры пьянствуют, знамо дело.

— Хрен с ней, с трещиной, чинили бы кондиционер, — духота измотала.

Маста посмотрел вверх: сквозь сальные стёкла купола нещадно палило солнце.

К помойке подошёл порожний грузовик, и шофёру крикнули:

— Давай, давай ещё... подпячивайся...

Лакей с поклоном подал ей на подносе конверт, на котором по середине крупными буквами было написано: «Фая», а сверху — маленькими: «Второе уведомление Государя».

— Второе? А где же первое? — удивилась мать, вскрыла письмо и быстро пробежала по тексту глазами.

— Фая, — закричала она, вбежала в комнату дочери и увидела, что та ещё спит. — Фая, в чём дело? Почему ты так долго спишь? Ты здорова?

— Да, мама, — ответила Фая спросонья, ещё плохо понимая, что происходит.

— Тогда быстро вставай и собирайся. Тебя Государь ждёт.

Мать резко обернулась к челяди, столпившейся за её спиной, и хлопнула в ладоши. Заиграл флейтист, и весь дом пришёл в движение: готовили ванну, утюжили платье, настаивали травы, припасали растирания, бальзамы, крема. Фая одели в махровый белый халат и повели в парную, где долго хлестали берёзовым веником, потом намыливали губкой, купали в хвойной воде, потом массажист долго мят, растирал и поколачивал её тело, умащенное бальзамом; а она вспоминала, как этой ночью лежала на краю постели, а он стоял возле неё на коленях на полу и целовал ей спину, ягодички, ноги, а она плавно извивалась, как змея. Касания мягких рук массажиста стали ей приятны.

Её одели в длинное платье с высоким жёстким воротником и такими же жёсткими асимметричными рукавами в виде крыла и розы, покрыли белым перламутровым лаком ногти на пальцах ног, перед зеркалом уложили копной волосы, утыкали их золотыми шпильками и гребешками, вдели в уши массивные серьги, наложили макияж.

— Почему ты такая безучастная? — спросила мать. — Ты рада?

— Да, мама.

— Тогда вставай и иди. Машина подана. Ну, будь умницей.

Фая медленно встала и пошла к выходу, за ней молча последовала прислуга. У двери гостиной Фая резко обернулась, и молчаливая толпа остановилась. Войдя в гостиную, Фая плотно закрыла за собой дверь, подбежала к нефритовой кошке и, обняв её за шею, шепнула в холодное ухо: «Маси-биси-муси — спаси меня». И на краешке зелёного уха остались следы её сиреневой помады.

Вечером Маста прогуливался у озера и увидел Прохора: он сидел под раkitой на том же месте, сытый и недовольный.

— Здорово, Прохор.

— Здорово, Маста.

— Меня ждёшь?

— Тебя.

— Опять предчувствовал?

— Хорошо быть догадливым.

Маста подсел к Прохору и вздохнул.

— Душно, — сказал Прохор и тоже вздохнул.

— Ты что-нибудь слышал о ветре?

— Конечно.

— Что это?

— Вентиляция, — ответил Прохор и икнул. — Интересно, что ты сегодня ночью делал?

— Комаров ловил.

— А-а-а, — понятиливо протянул Прохор, — тебе всё равно, что ловить: что кайф, что комаров.

- Прохор, я хочу найти выход из Бункера, — сказал Маста.
- Я же тебе сказал: выхода нет, мы законсервированы.
- Врёшь! — крикнул Маста.
- Почему ты мне не веришь? — глядя в одну точку, вяло спросил Прохор и икнул. Маста пожал плечами и промолчал.
- Как жить, Прохор? — спросил он после паузы.
- Приспосабливайся.
- Я нашёл в притоне орган и вчера весь вечер играл. Слышишь?
- Слышу, — снова икнул Прохор.
- Странный орган. Мне показалось, что он — живой и что мы с ним срослись: у нас на двоих одно дыхание, одно сердце, одна кровь, и если с ним что-нибудь случится, то погибну и я.
- А если сначала погибнешь ты?
- Сплюнь, а то накаркаешь.
- Прохор сплюнул три раза через левое плечо и уже в который раз икнул.
- Ты чего всё время икаешь?
- От переедания, братец.
- Больше нечем заняться?
- Не с кем. Нет ли у твоей девочки подружки? Такой — м-м-м! Глазастой! — и, растопырив обе пятерни, он мягко потряс ими воздух перед собой, изображая увесистую грудь полной женщины. И повторил: — Глазастой!
- Такой нет.
- А какая есть? Тащи любую!
- Никакой нет.
- Чёрт. Вечная невезуха, — со смирением икнул Прохор.
- Не ангельскую слышу речь, — напомнил ему Маста его же слова.
- Ладно, понимал бы чего! — вспыхнул Прохор.
- Ты ж говорил, что самое лучшее — это ничего не хотеть, — подтрунил Маста ещё раз.
- Мало ли чего я говорил, а ты и запомнил.
- А у меня хорошая память.
- А у меня — воображение: сегодня — одно, завтра — другое.
- Ну-у-у? — с наигранным удивлением спросил Маста. — С твоим бы воображением да шутком быть.
- А с твоей бы памятью — монахом.
- Интересно, у монаха выходные бывают? — уже примирительно спросил Маста.
- У монаха вся жизнь — сплошной выходной, и кроме выходных, ничего нет, — смягчившись ответил Прохор.
- Значит, ты уже утомился от отдыха?
- Не то слово, — икнул и закусил губу Прохор.
- Может, поменяемся ролями? — хитро прищурился Маста.
- Да пошёл ты, грешник... — озлился Прохор.
- Ну ладно, пошёл.
- Счастливо!
- Машина затормозила у резиденции Государя, лакей открыл дверцу и учтиво сказал:
- Следуйте за мной.
- Фая пошла за ним как заводная кукла.

Анфилада комнат казалась бесконечной. Бесшумно открывалась череда дверей. Сменялись интерьеры: янтарный, малахитовый, рубиновый, лазуритовый... Ковры, картины, вазы, витая мебель, от приторного изобилия роскоши кружилась голова.

Золочёная дверь тронного зала открылась с торжественной значительностью, и Фая увидела восседающего Государя. Слуга отступил и легко подтолкнул Фаю в спину. Фая нерешительно пошла по ковровой дорожке, но после нескольких шагов остановилась.

— А-а-а... танцовщица Фая, — рыхлым голосом продребезжал Государь, поднялся с сиденья и пошёл ей навстречу.

Слуга надавил Фае на плечо и шепнул:

— На колени.

Она упала на колени и опустила голову.

— Во-о-о-он! — завизжал Государь, указывая слуге пальцем на дверь. — Вон отсюда!

У Фаи за спиной раздались торопкие удаляющиеся шажки и щелчок дверного замка. Государь потной, дрожащей рукой приподнял её голову за подбородок, улыбнулся и вдруг судорожно откинул полы мантии, расстегнул свой гульфик. Задыхаясь, простонал:

— Поцелуй, поцелуй сюда... ну!.. поцелуй, поцелуй...

Закрыв глаза, Фая гадливо отвернулась.

— Ах ты, погань... гнида... — ядовито прошипел Государь.

Фая поднялась с колен и побежала прочь, распахивая перед собой двери, и только когда оказалась во дворе и села в свою машину, у неё задрожали губы.

— Куда прикажете? — вежливо спросил шофёр.

— В общежитие для нищих!

Напряженно выпрямив спину и не шелохнувшись, Фая просидела всю дорогу, как каменная.

Государь вызвал к себе поверенного в делах.

— Поднять на девчонку досье.

— Слушаюсь.

— ... и принять надлежащие меры.

— Слушаюсь.

«Скользкий тип, но послушный», — подумал о нём Государь и спросил:

— Как Бункер?

— Положение ухудшилось: появились новые трещины.

— Усилить поисковую кампанию.

— Слушаюсь.

Когда Маста открыл ей дверь, она обхватила его руками, уткнулась ему в грудь лицом и затряслась от беззвучных рыданий.

— Что случилось? Что случилось, родная моя? Скажи... Что случилось?

Всю ночь по улицам ездили патрульные машины, кого-то искали. Кварталы были оцеплены. На стенах Бункера шли сварочные работы: трещины заваривали, но швы тут же расплзались, а рядом появлялась сеть всё новых и новых трещин.

Утром, с массивными золотыми серьгами за пазухой, Маста пришёл в торговую лавку. Продавец бережно взял серьги, внимательно осмотрел их в лупу и поднял удивлённые глаза.

— О-о-о! Сколько вы хотите?

— Мне нужно вот это платье, — Маста указал на короткое шёлковое платье.

Продавец снял с вешалки платье, сложил, завернул и подал:

— Пожалуйста.

— И туфли.

— Какие?

— Вот эти, — и Маста указал на чёрные велюровые туфли лодочкой.

Продавец спросил о размере, аккуратно положил в коробку туфли и тоже подал:

— Пожалуйста.

Маста нерешительно осмотрел витрину.

— Что-нибудь ещё? — спросил продавец.

— Нет. Спасибо.

— Вам спасибо. Вы не знаете цен. Заходите почаще.

— Хорошо, как-нибудь загляну. До свидания.

— Всего доброго, — и, забежав вперед, продавец с низким поклоном открыл перед ним дверь.

Сидя в мужской рубашке перед осколком зеркала, вставленного в щель стены, Фая причёсывалась. Когда в комнату вошёл Мастодонт и положил перед ней туфли и платье, она загадочно улыбнулась:

— Я хочу знать, что такое ветер.

— Этого нам знать не дано, но кое-что другое я тебе сегодня открою.

За пультом управления с кнопками и телефонами сидел отец Фаи и внимательно наблюдал за сигнальной схемой технического управления Бункером, расположенной перед ним на огромной стене.

Разноцветные бегущие огоньки вытягивались в нити, кружились, пересекались, вспыхивали, гасли. Отец Фаи нажимал на кнопки, что-то записывал и отдавал в микрофон распоряжения:

— Квадрат шесть, пункт С — аварийная ситуация. Срочно направить ремонтную бригаду. Квадрат восемь, пункт Д — аварийная ситуация...

Затрещал телефон.

— Слушаю.

— Никита арестован... он в каменном мешке... срочно приезжай, — услышал он дрожащий голос своей жены.

— Но я не могу. В Бункере авария.

— Меня совершенно не волнует твой Бункер. Меня волнует только мой сын, — жёстко сказала она, повысив голос и делая упор на слове «мой».

— Наш сын, — поправил её отец.

В притоне стоял обычный гул. Держа Фаю за руку, Маста вёл её вглубь. Они переступали грязь, обходили псов и копошащихся на подстилках смердов — пьяных, уродливых, оборванных.

— Сейчас я нарушу один закон, — сказал Маста. — В Бункере запрещена музыка, а я буду играть.

— В Бункере постоянно звучит музыка: флейта... и барабан... — робко возразила Фая.

— Это не то. Я буду играть на органе. Ты услышишь шестиголосную фугу фа-мажор. Я только вчера написал. Для тебя.

В конце зала он вытащил из кучи мусора ящик, посадил на него Фаю, расчехлил кафедру и включил регистры.

— Мне беспокойно, — сказала Фая. — Такое чувство, будто дома что-то случилось.

— Не думай о плохом. Слушай.

И Маста заиграл, точно вспарывая созвучиями брюхо притона и выпуская из него скверну.

В набедренной повязке из шкуры шаман племени Рийдо стоял у костра и простирал руку к огню, точно вслушиваясь ладонью в его жар. Перед ним в готовности стояли соплеменники. Он гикнул — ударил барабан, и все закужились в первобытной пляске.

||

В холле, преграждая ей дорогу, стоял отец, и она виновато перед ним остановилась.

— Где ты была?

Фая промолчала.

— Я спрашиваю, где ты была эту ночь? Отвечай.

— У мусорщика.

— Что? У какого мусорщика?

— У Мастодонта, — сказала она с вызовом.

Отец схватил её за плечи и с силой стал трясти, повторяя, как заезженная пластинка, одно и то же:

— Что ты сказала?.. Что ты сказала?.. Что ты сказала?..

— У Мастодонта, — уже дерзко крикнула Фая.

— Ах ты... дрянь! — и он наотмашь ударил её ладонью по лицу.

Фая вырвалась и убежала. На шум вышла мать.

— Что случилось?

— Я ударил её по лицу.

— Как ты посмел? Это моя дочь! Я сама её ударю, когда надо будет.

Она схватила его за лацканы и закричала:

— Что происходит? Что в этом доме происходит? Я должна знать или нет? Объясни! — Она отвесила ему хлёткую пощёчину, потом схватила с тумбы хрустальную вазу и со злостью бросила в стену.

Ваза вдребезги разбилась. Отец сел на пуф и закрыл лицо руками. Мать на мгновение замерла, потом потёрла рукой лоб, сникла и вышла.

Бесшумно пришёл лакей, замёл на совок хрустальные осколки и так же бесшумно удалился.

Когда мать без стука вошла в комнату дочери, та лихорадочно бросала в чемодан вещи: бельё, халат, брюки, томик стихов, пару платьев. Мать тенью прошла через всю комнату и встала у окна.

— Ты знаешь, что этой ночью взяли Никиту? Он приговорён к смертной казни.

Фая замерла с платьем в руке и уставилась на мать неверящими глазами. Мать задала следующий вопрос:

— Чем ты разгневала Государя?

Фая заметила, что мать резко постарела и стояла перед ней непричёсанная, ненакрашенная, с опухшими глазами и с пробившейся сединой у висков.

— Ты была на пороге власти, богатства... и вдруг такой позор! — недоумевала она, пытаясь сдержать слёзы, и, не сдержав, судорожно зарыдала, упала на колени и обхватила Фаю за ноги.

— Умоляю... заклинаю... спаси Никиту... ты можешь... если захочешь, ты все сможешь... он ещё такой ребёнок, доверчивый,... ты знаешь, как он любит тебя... ты сама станешь матерью... ты взрослая, сильная... а он... я прошу тебя... иди, заступись...

— Мама, — растерянно произнесла Фая, — но он мне противен.

— Кто тебе противен? — отшатнулась мать.

— Государь.

Мать встала с колен, закрыла лицо руками и, пошатываясь, вышла из комнаты.

Фая опустилась на диван и с минуту не двигалась, потом вскочила и заметалась из стороны в сторону, как загнанный в клетку зверь:

— Его не могут казнить... Не могут... — повторяла она. — Он так молод, красив... Надо что-то придумать. Что?.. Неужели нет выхода? Может, Маста? Нет, я сама найду выход, найду, должен быть выход... Но какой?..

Отец тихо приоткрыл дверь в комнату матери. Она молилась, и, услышав за спиной шаги, мать обернулась.

— Она не хочет идти к Государю? — спокойно спросил отец.

— Нет.

— Но ты ей объяснила?

— Да.

— Напрасно.

— Как это?

— Имеем ли мы право, спасая сына, приносить в жертву дочь?

— Какая жертва, если это счастье?

— Сомневаюсь.

За окном с рёвом прошли тяжёлые машины.

С коромыслом на плече Лара шла к дому, неся полные вёдра. Из ворот выехал шаман на белом коне, что-то напоследок сказал бабке, провожавшей его у изгороди, и пустил коня вскачь.

Поставив на землю вёдра, Лара спросила:

— У нас гости?

— Нет, — коротко ответила бабка и, отвернувшись, стала развешивать на верёвке бельё.

— Просто заезжал шаман, — сказала она чуть погодя.

— Зачем?

— Так... потрепаться...

Громко фыркнула лошадь. Лара заглянула на двор: в углу на привязи стояла молодая белая кобыла.

— А чья это лошадь?

— Твоя.

— Моя?

— Да. Тебе привёл её шаман.

— Зачем?

— Завтра уйдёшь на ней с Рийдо.

— Куда?

- Они покажут дорогу.
- А ты пойдёшь с нами?
- У меня ноги болят, да и коня нет.
- Нам хватит одного.
- Я старая и останусь здесь.
- Тогда зачем же уходить мне?
- Уже поздно. Пора спать. Иди в дом.
- Но, бабушка...
- Не спорь, — строго сказала бабка..

Вверху раздалось гуканье. Лара подняла голову и увидела на крыше сарая птицу, точно слепленную из сгустка тьмы, бесплотную. Птица моргнула фосфорическими глазами, повела стоячими ушками и напряжённо замерла.

Фая поднялась с дивана. У стола она выбросила из вазы на пол живые цветы, потом плеснула воду себе в пригоршню и умылась. Проходя по коридору, она видела, что отец и мать сидели в разных комнатах в одинаковых позах. Видя, что дочь куда-то уходит, ни тот ни другой ни о чём не спросили её, и она тоже им ничего не сказала.

Во дворе она села за руль машины и, нажимая на газ, уставилась в лобовое стекло сухими от жара глазами.

— К Прохору, — сказал Маста монаху, пропускавшему его через низкую калитку в стене монастыря.

Ворвавшись в келью, он с порога натужно, шёпотом заговорил:

- Проснись, Прохор! Она пропала! Ушла — и не вернулась!
- Кто она? — перевернувшись на другой бок и не открывая глаз, спросил Прохор.
- Фая.
- Ну и что. Стоит из-за этого людей булгачить.
- Я люблю её, — подсел к нему на постель Маста.
- Давай кончай эти рыжие базары про вечную любовь. Иди побегай по зелёной травке, как бычок, и всю твою любовь корова языком слизнёт, — хриплым голосом бурчал Прохор.
- У тебя изо рта только змеи не вылазят!
- Чего? — Прохор неохотно вылез из-под одеяла и сел на край постели, свесив ноги.

Маста метался по келье.

— Заведи другую бабу, а лучше несколько. И гуляй на всю катушку. Чем больше любовниц, тем выше бесчувствие, чем выше бесчувствие, тем глубже покой. А дороже покоя ничего нет.

Прохор достал из шкафа бутылку, налил себе рюмочку и, крякнув, выпил.

- Ты сам себе противоречишь — и меня хочешь запутать.
- Жизнь — это путаница. — Прохор занюхал рукавом
- Сначала призывал к смирению, теперь — к разврату. Разве покой в распутстве?
- Покой — это радость. А жить во грехе значит тоже жить в радости. Замкнутый круг.

Маста открыл окно. Где-то с воем промчались полицейские машины.

- У меня её отобрали! Я чувствую это, — сказал Маста.
- На всё воля Божья, — зевнул Прохор и сложил руки на круглом животе, как на горке.

— Ну, если это воля Бога, то я с ним расквитаюсь!

— А если Бога нет? С кем будешь сводить счеты? — блестя хитрыми глазами, спросил Прохор.

— Окстись, монах!

— Какой я тебе монах? Я такой же музыкант, как и ты. Я написал концерт для колоколов.

— Когда же? — усомнился Маста.

— Год назад.

— И молчал?

— Я боялся.

— Так сыграй мне свой концерт.

— Ты что? Сдурел? Завтра дам партитуру, прочтёшь.

— Но почему же тебе не сыграть. В твоём распоряжении колокола.

— Что толку, — сказал Прохор, — давай лучше примем коньячку, потрапезничаем — и на боковую. А завтра с рассветом на рыбалку пойдём. Лещи в озере какие! М-м-м! В скорородку не влезают.

В открытое окно донёлся стук молотков, шум сварочных аппаратов, крик рабочих.

— Ты не знаешь, что... — начал Маста.

— Не знаю, — оборвал его Прохор. — Зато я знаю, что по утрам в монастыре парное молоко дают.

— Что происходит? — прислушиваясь, спросил Маста.

— Где?

— В Бункере.

— А разве у нас что-нибудь происходит? — безразлично спросил Прохор и, точно припомнив, протянул. — А-а-а-а ... говорят, стены Бункера треснули. Может, брехня. Ну, так на рыбалку идём?

— Нет.

Маста взялся за дверную ручку

— Ты куда? — спросил Прохор.

— В притон.

— Играть?

— Да.

— Позавидовал бы я тебе, если б умел завидовать, — сказал Прохор, когда Масты уже не было в келье.

12

Солнце высунулось верхним краем из-за стены Бункера и покрыло ржавчиной верхушки деревьев и крыши домов. Государев привратник, бряцая ржавыми доспехами, не мешкая, пропустил машину в кованые ворота и сладко зевнул.

Стремительно проходя по ржаво-янтарным и ржаво-рубиновым комнатам анфилады, Фая широко раздувала ноздри и с силой сжимала зубы.

В тронном зале по ржаво-охристому ковру, спотыкаясь, шёл ей навстречу пьяный Государь, и его вислый слюнявый рот тоже показался ей ржавым.

— Я пришла к тебе, Государь, — ещё на ходу сказала она с вызовом.

— Вижу, — он довольно растянул губы в улыбку. — Ты пришла прямо на пир. У меня гости, — бормотал он заплетающимся языком и, подступив вплотную, дохнул спиртом. — Раздевайся. Ну же! Или ты хочешь, чтобы я сорвал с тебя одежду?

— Рвите, — со злобой сказала Фая.

Дрожащими руками он вцепился в ворот её платья, рванул. Два куска шёлковой ткани опали на пол, обнажая гибкое тело. Положив её на плечи потные ладони, он поставил её на колени и, дрябло улыбаясь, растянул себе гульфик.

— Поцелуй!.. Поцелуй!.. Поцелуй!!! О-о-о... хорошо... хорошо... умница... как хорошо... у тебя чудный ротик... еще... еще...

Пир был в разгаре, когда под руку с Государем Фая торжественно вошла в зал. Пьяная орда гостей встретила их восторженным воплем.

В туфлях на тонкой шпильке и в коротком платье с пёстрым веерообразным задником Фая походила на павлина. Виночерпий поднёс ей кубок красного вина, она выпила до дна — и длинный стол, уставленный яствами, закачался перед её глазами.

Кравчий поднёс ей блюдо с мясом и фруктами, но Фая жестом отказалась.

— Покури, — сказал Государь и подвёл её к кальяну.

Глубокая затыжка заволокла её дурманом и разожгла желание танцевать.

С лицом, искажённым безумной улыбкой, она гикнула музыкантам, и бешено ударили барабаны. Величаво взойдя на пиршественный стол, она захохотала и, со звериной осторожностью ступая меж блюд и фужеров, начала танец разъярённой хищницы.

Вступая в тарелки с едой и пиная наполненные фужеры, Государь неуклюже шёл за ней по столу и ободрял её возгласами. Гости в пьяном угаре аплодировали. Пройдя весь стол, Фая остановилась на краю и резко обернулась. Государь прохрипел:

— Девочка моя, уж мы бы с тобой погуляли да потешились. Если б не беда...

— Какая? — властно спросила Фая.

— Где-то звучит орган — и от этого рушится Бункер.

— Я знаю этот орган. Идите в притон, — указывая страже на дверь, повелительно крикнула Фая и захохотала.

Орган звучал, когда в притон ворвались полицейские с овчарками. Бомжи в испуге расступились по сторонам, дворняги поджали хвосты, и когда Маста, не поднимая рук от клавиатуры, обернулся, на него спустили собак:

— Фас! — орали полицейские.

— Моё имя... — успел крикнуть Маста, и собачья пасть перехватила ему горло.

Орган вздрогнул, выдохнул и начал оплавляться: горячей лавой потекли трубы; рассыпалась в прах кафедра, поднимая клубы дыма и пыли. Сразу же затрещали и зашатались стены здания, загудел потолок, посыпалась штукатурка и с грохотом упала матица. Проседая, задрожал пол.

В панике, расталкивая отребье, полицейские давились у выхода, и только псы продолжали жадно рвать кровавые кишки.

Поднимаясь по крутой узкой лестнице звонницы, Прохор выдохся и на открытом ярусе перевёл дух. Ударил в колокола. Под мутным куполом Бункера раскатился малиновый звон.

Звон нарастал, ширился, рассыпался и опять нарастал, покрывая гул крушения.

На улицах стоял грохот: рушились дома, вспыхивали пожары. Обезумевшие от ужаса люди металась по дорогам, не зная, куда бежать, не понимая, что происходит. Трещали и горели стены Бункера. Сверху сыпались стёкла, падали решётки купола. Повсюду слышны были стоны, вопли, лай собак...

Прохор вдохновенно бил в колокола и не видел, что внизу, у подножия звонницы, несколько человек, устав от бессмысленных метаний, встали, задрав голову, слушали и плакали, застигнутые врасплох красотой и гибелью одновременно.

Столовая Государя качнулась и наполнилась дымом, гости заорали и бросились к дверям, но двери перекосило и заклинило. Стены горбились. Началась давка. Повалившиеся столы, приборы и люди смешались в одну кучу.

Фая брезгливо оттолкнула от себя Государя, пытавшегося её обнять, и он упал, ударившись головой о стену.

— Бабушка-а-а-а! — кричала в седле Лара.

Бабка хлестнула вожжой, лошадь взвилась, перескочила плетень и понеслась через поле к горячей стене Бункера.

Вливаясь в племя Рийдо, уходящее верхом, Лара плакала, повторяя одно слово:

— Бабушка... бабушка...

Когда лошадь пролетела сквозь пылающую брешь в стене, Ларе ударила в лицо тугая, упругая волна воздуха. Вжимаясь в шею лошади, Лара закричала на всю мочь:

— Я боюсь!.. Что это?

Сын шамана, скакавший рядом, крикнул:

— Не бойся. Это ветер.

Галопом они неслись прочь от пылающего Бункера.

Дорога шла в гору, и всадники поднимались всё выше и выше. На уступе скалы они остановились и увидели: внизу теснилось множество других бункеров.

Напористо подул ветер, завыл, закружил, замутил. Началась песчаная буря.